

Свернув за угол, Цзи Цин вошел в Башню Встречи Гостей. Он небрежно бросил трактирному слуге нефритовый кувшин и велел наполнить его до краев. Юноша, приняв серебро, поспешил в погреб. Однако дело затянулось на добрую половину дня. Когда парень наконец вернулся, он выглядел крайне виноватым. Дрожащими руками он протянул кувшин Цзи Цину, а вместе с ним вернул и монеты.

— Уважаемый гость, пощадите, ступайте лучше в другое место! — взмолился слуга. — Наш хозяин велел передать: денег не надо, только заберите это...

Цзи Цин слегка качнул сосуд. Внутри тяжело, с глухим плеском перекачивалась влага — налито было щедро. Не став спорить, он бросил на стойку еще несколько увесистых слитков.

— Даром не беру.

Стоило белому силуэту даоса растаять за порогом, как из заднего двора трусливо высунулся сам хозяин заведения. С тоской посмотрев на оставленное серебро, он горько вздохнул:

— Не взял даром, как же... Да за такой кувшин мы весь погреб спустили! Убыток один, а не плата!

Покинув пределы Чанлэ, Столицы Вечного Веселья, Цзи Цин раздобыл старую, выдавшую виды повозку и неспешно направился на север по казенному тракту. Эту колымагу он собрал на скорую руку из брошенного за городом лома и пары старых досок, а тащить ее приспособил дряхлого быка. Выглядел этот выезд, мягко говоря, убого, но со своей задачей справлялся отменно. Цзи Цину не приходилось ни следить за дорогой, ни править — старый бык сам знал, куда идти. Даосу оставалось лишь лежать на дне телеги и лениво созерцать проплывающие в вышине облака сквозь прорехи в прогнившей крыше.

Но старый бык плелся еле-еле. Медный колокольчик на его шее усыпляюще звякал в такт неспешным шагам. И пусть Цзи Цин никуда не торопился — Башня Подавления Демонов могла и подождать, а мягкая охапка сухой осоки под спиной располагала к безделью, — бесконечно терпеть эту черепашую прыть он не собирался. Начертив в воздухе причудливое знамение, он небрежно щелкнул пальцами в сторону тяглового животного. Тотчас копыта быка оторвались от земли, и повозка с немыслимой скоростью понеслась по тракту.

Картина являла собой чистейший абсурд: по оживленному тракту, вздымая клубы дорожной пыли, мчалась полуразвалившаяся телега, запряженная старым быком, который летел по воздуху, едва не обгоняя ветер. Прохожие в ужасе шарахались в придорожные канавы, опасаясь быть раздавленными этим безумным экипажем. Молодой ученый, ехавший верхом, ошеломленно проводил взглядом уносившуюся вдаль повозку. Когда пыль немного осела, он повернулся к своему слуге:

— Ты видел это?.. Мне показалось, или у того быка копыта вообще не касались земли? Неужто я так проголодался в пути, что в глазах двоится?

Слуга, решив, что господин так тонко упрекает его в нерасторопности, поспешно скинул с плеч дорожный узел. Достав оттуда подсохшую лепешку, он протянул ее юноше:

— Ох, господин, простите мою глупость! Перекусите скорее, силы подкрепите.

Ученый взял черствый кусок, задумчиво откусил и, прожевывая, пробормотал себе под нос:

— И все же я готов поклясться... Но как бык может летать? Нет, точно с голодухи померещилось.

Мерный звон колокольчика уносился все дальше, пока тракт не сменился узкой проселочной дорогой, уходящей в лесную глушь. Когда Цзи Цин наконец очнулся от раздумий, вокруг уже сгустился непроглядный мрак. Старый бык, непривычный к ночным переходам, наотрез отказался идти дальше и застыл под сенью исполинского агарового дерева.

Спрыгнув на землю, даос окинул взглядом безмолвную чашу и решил заночевать здесь. Он споро распряг уставшее животное, привязал его неподалеку, а сам устроился на плоском валуне. Набрав сушняка, он развел яркий костер. В этой глухомани не хотелось тратить ночь на усмирение мелкой нечисти, а пламя надежно отведает непрошенных гостей.

Чтобы как-то скоротать часы до рассвета, Цзи Цин по привычке потянулся к поясу, но пальцы нащупали лишь пустоту. Медный крючок на кушаке пустовал. Мужчина слегка нахмурился, но тут же перевел спокойный, пронизательный взор на густые заросли напротив. Там, за мощным стволом альбиции, притаился мелкий дух. Бедолага, верно, полагал, что укрылся безупречно, однако даос видел его как на ладони. Не подав виду, Цзи Цин опустил руку, неспешно достал из широкого рукава изящную нефритовую чарку и сделал крошечный глоток. Легкий ночной ветерок подхватил густой, пряный аромат сливового вина и понес его по сонной чаще.

Сладкий хмель быстро туманил разум одинокого путника. Вскоре веки Цзи Цина отяжелели, и он, прислонившись спиной к шершавому камню, мирно задремал. Языки пламени плясали на его лице, очерчивая мягким багровым светом тонкие черты. Бык под деревом шумно вздохнул и негромко замычал, нарушив лесную тишину, однако спящий даже не пошевелился.

Из-за раскидистого ствола альбиции сперва показались длинные, чуткие белые уши. Следом он хитро прищурился — в его глазах отражались искры костра и неподвижный силуэт даоса в белых одеждах.

Бесшумной тенью из полумрака соскользнул пушистый зверек. Это был молодой лис-

оборотень, белоснежная шубка которого слабо светилась в темноте, а тонкий изящный хвост замер полукольцом. Он медленно приближался к спящему, не сводя с него пристального взгляда. Зверь был ранен: одну переднюю лапу он держал навесу, стараясь не наступать на нее. От шерсти лиса отчетливо веяло тем самым терпким ароматом сливового вина.

Аккуратно подцепив когтями нефритовую чарку, зажатую в пальцах мужчины, Ху Цзюмин облегченно выдохнул. «А этот суровый даос не так прост, — подумал он. — Добыть вино, столь богатое духовной энергией...» Но не успел он отпрянуть, как спящий человек, казалось бы, мгновенно и цепко схватил его за пушистую лапу.

Ху Цзюмин встретился взглядом с ясным и пронзительным взором даоса. Он мгновенно понял: его провели. Цзи Цин молча разглядывал незваного гостя. От белого лиса почти не пахло демонической скверной — лишь едва уловимые эманации выдавали в нем духа-оборотня. Теперь стало ясно, как этому проныре удалось подобраться незамеченным и стянуть кувшин.

Не давая человеку опомниться, лис исхитрился: его лапка внезапно обмякла, и драгоценная чарка выскользнула, устремляясь к земле. Цзи Цин инстинктивно разжал пальцы и бросился ловить сосуд. Вино внутри было редчайшим, да и сама резная вещица ему очень нравилась — негоже было губить такую красоту.

Пользуясь секундным замешательством, Ху Цзюмин сжался до размеров крохотного комочка, вывернулся и со всех ног припустил в чашу. Однако уйти ему не удалось. Поймав чарку одной рукой, второй даос сделал неуловимое движение в воздухе. Вокруг улепётывающего беглеца мгновенно соткалась золотистая сфера-клетка, сковавшая его движения, и плавно взмыла вверх. Цзи Цин мановением пальца притянул светящийся шар к себе и, беспрепятственно просунув руку сквозь сияющую преграду, легонько ткнул лисенка в бок.

Обездвиженный Ху Цзюмин обреченно сносил бесцеремонные тычки Цзи Цина в его пушистые бока. Не обнаружив ничего подозрительного, Цзи Цин убрал руку и ровно произнес:

— Верни то, что взял.

По правде говоря, с тех пор как Цзи Цин обрел природу полубессмертного, он ни с одним демоном не разговаривал столь мягко. Не будь этот лис чист от людской крови и чужого зла, даос давно бы развеял его прах по ветру без лишних расспросов.

Пленник лишь прищурился и молча приподнял раненую лапку, предлагая даосу взглянуть самому.

Присмотревшись, Цзи Цин заметил, что белоснежная шерсть на лапке потемнела и пропиталась сукровицей. И от этой раны исходил густой, холодный аромат того самого сливового вина. Цзи Цин перевел взгляд на мордочку зверя. У него невольно дернулся нерв у виска.

— Ты что... вылечил этим вином свои раны?

Лис посмотрел на него кристально честно и укоризненно.

Мысленно оплакав так и не испытую влагу, даос вздохнул и развеял золотистую сферу. Он решил отпустить этого наглого проныру. Вовсе не из внезапного милосердия — просто опасался, что если задержит его подольше, то не сдержится и прихлопнет на месте, несмотря на забавный вид зверька.

Бесцельно сброшенный на траву, Ху Цзюмин не успел закрыть пасть и знатно наглотался собственной пушистой шерсти. Кое-как отплевавшись, он обиженно запыхтел, но вместо того чтобы бежать, прихрамывая заковылял обратно к даосу. Подойдя вплотную, лис подмял под себя край белого даосского одеяния и преспокойно улегся сверху.

Ху Цзюмин прекрасно понимал свое плачевное положение: из его великолепных девяти хвостов уцелел лишь один, так что сердиться на грубость лесного попутчика не имело смысла. Во всем был виноват тот безмозглый Король демонов, напавший на него. Сам же лис, как создание благородное, зла на даоса не держал. Свернувшись пушистым клубком, он принялся аккуратнолизывать раненую лапу. С самого рождения ему не приходилось терпеть подобных увечий. Этот бледный молчаливый заклинатель казался немного простоватым, но сила в нем чувствовалась немалая. Переждать невзгоды под его боком было весьма разумным решением.

Цзи Цин понятия не имел, какие думы одолевают этот наглый белый мех. Он попытался высвободить полу своей рясы, но цепкие лапки тут же потянули ткань обратно. Поняв тщетность усилий, даос лишь смиренно вздохнул и оставил попытки. Глядя на зажмурившийся от удовольствия теплый комочек, он ощутил странную неловкость. За долгие годы отшелушничества ни человек, ни дух не приближались к нему так близко. Одиночество давно стало его привычной броней.

Небосвод медленно катился к рассвету, и бледный диск луны клонился к вершинам гор. Цзи Цину вдруг показалось, что земли Великой Ся, которые он исходил вдоль и поперек, этой ночью выглядят как-то иначе. Ленивым взмахом рукава он отогнал круживших в отдалении ночных духов. В вышине, шурша крыльями, пролетела стайка испуганных куропаток, растворяясь в серебристом сиянии луны над молчаливым лесом.

Сны лисиц всегда долги и полны сладкого, чувственного тумана. Когда Ху Цзюмин сладко потянулся и открыл глаза, томная дымка грез еще не успела сойти с его зрачков. Окончательно придя в себя, он обнаружил под боком лишь край белой даосской рясы. Костер давно прогорел и остыл, а самого холодного даоса нигде не было видно.

Лис недовольно прищурился. Он сердито встряхнул пушистой шкуркой и поднялся. В то же мгновение над его головой с тихим хлопком лопнул невидимый защитный барьер. Ху Цзюмин аккуратно подобрал зубами оставленный ему оторванный лоскут белой ткани, спрятал его и

принюхался. Уловив тонкий след, он бросился вдогонку.

«Пусть он трижды праведный даос, — ворчал про себя лис, — но ведь он первый, с кем я разделил ложе! И так бесстыдно бросить меня одного среди леса? Какое неслыханное кощунство!»

<http://bllate.org/book/20393/2122155>